

ВЛИЯНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ФАКТОРА НА ОТНОШЕНИЯ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА К РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье затрагивается мало изученный вопрос о влиянии внешнеполитического фактора на относительную нормализацию отношений между советским государством и Русской православной церковью. В работе подробно анализируются события на международной арене, которые поставили перед необходимостью Коммунистическую партию Советского Союза пойти на некоторое ослабление политики по отношению к религиозному населению.

Появившееся в начале осени 1943 г. в газете «Известия» сообщение о том, что «4 сентября у Председателя Совета Народных Комиссаров СССР тов. И.В. Сталина состоялся прием, во время которого имела место беседа с Патриаршим Местоблюстителем Митрополитом Сергием, Ленинградским Митрополитом Алексием и Экзархом Украины Киевским и Галицким Митрополитом Николаем», до сих пор имеет ряд не до конца исследованных вопросов. Основной из них, что же именно заставило руководителя коммунистической партии, в уставе которой четко прописана борьба с религиозными пережитками, обратиться к православной церкви.

В сообщении по этому поводу указывается, что главная тема разговора – информационная часть. В газете сообщалось: «Во время беседы Митрополит Сергий довел до сведения Председателя Совнаркома, что в руководящих кругах православной церкви имеется намерение в ближайшее время созвать Собор епископов для избрания Патриарха Московского и всея Руси и образования при Патриархе Священного Синода». На что «глава Правительства тов. И.В. Сталин сочувственно отнесся к этим предложениям и заявил, что со стороны Правительства не будет к этому препятствий». В заметке также говорилось и о присутствии заместителя Председателя Совнаркома СССР тов. В.М. Молотова [1].

Если учитывать, что к рассматриваемому периоду официальных взаимоотношений советского государства и церкви не существовало, после того как в 1938 г. была упразднена Комиссия по культовым вопросам, работавшая при президиуме ЦИКа СССР, то сама возможность появления руководителей православной церкви у председателя Совнаркома вызывает недоумение. Аннуляция комиссии означала ликвидацию самой возможности контактов между этими органами, что явилось закономерным следствием потери чувства реальности при оценке религиозности населения, порождало

упрощенные, вульгарные представления о причинах и темпах секуляризации советского общества [2].

Вся политика советской власти по отношению к церкви все первые годы ее существования была наполнена стремлениями уничтожить церковь как классового врага. Первоначальная стадия борьбы с церковью, строилась, по образному выражению одной из коммунистических газет, «сквозь прорезь прицела». В первую очередь это касалось духовенства, которое было расценено Ем. Ярославским как «мракобесы в рясах, ермолках и чалмах». В дальнейшем она сменилась стадией проведения политики индоктринации, т. е. настойчивого приобщения населения к официальной идеологии. Данная стратегия охватила все слои населения и заключалась в утверждении скорейшего построения безрелигиозного общества. Работа проводилась в форме «безбожных» пятилеток, создания в СССР «безбожных колхозов», деревень и поселков, формирования 10-миллионной армии членов Союза воинствующих безбожников (СВБ).

Все это свидетельствовало, что бесчинства Советской власти по отношению к РПЦ продолжались бы неизвестно как долго, если бы не Отечественная война 1941-1945 гг. Страшное потрясение новой великой войны вопреки всем человеческим расчетам изменило судьбу русского народа. Наш современник, недавно скончавшийся высокопреосвященнейший Иоанн митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский писал: «Ужасный удар войны спас Россию от мучительной смерти, которая шла от ревнителей «безбожных пятилеток»[3].

Начало Отечественной войны 1941-1945 гг. рассеяло господствующую иллюзию среди большевистского руководства об успешном и повсеместном «преодолении религии» и победе «безбожного» движения. Война заставила по-иному увидеть положение дел в стране, в том числе и в области идеологии, обозначить иные ценности, чем мировая революция и построение социализма. В стране насчитывались миллионы

верующих, ограниченных в возможностях удовлетворять свободно и открыто свои религиозные потребности. По переписи населения 1937 г. 2/3 сельского и 1/2 городского населения считали себя верующими.

Этим решили воспользоваться немецко-фашистские агрессоры. Ведя свои захватнические войны, вожди нацистской Германии открыто отвергали нравственные христианские ценности и пытались возродить древнегерманский языческий культ. В речи митрополита Сергия на молебне о победе русского воинства, который прошел вечером 26 июня 1941 года в Богоявленском соборе в Москве, подчеркивалось: «Глубоко ошибаются те, кто думает, что теперешний враг не касается наших святынь и ничьей веры не трогает... Известный немецкий полководец Людендорф, посылавший своих солдат на смерть сотнями тысяч, с годами пришел к убеждению, что для завоевателя христианство не годится... Поэтому генерал призывает своих германцев бросить Христа и кланяться лучше древнегерманским идолам - Вотану и другим...» Древнеарийский знак свастики стал мистическим символом «нового порядка». Но все это не помешало гитлеровцам в своей антисоветской пропаганде предстать в облике апологетов религии. В своих пропагандистских обращениях к русскому народу гитлеровцы стремились явиться в облике защитников христианской веры, которые объявили «крестовый поход» с целью освобождения православной Церкви от большевиков.

Русская православная церковь совсем иначе отнеслась к заявлению Германии, определив ее как агрессора. Местоблюститель Патриаршего престола митрополит Сергий в первый же день войны написал «Послание пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви». В этом послании, обличая захватническую сущность фашизма, митрополит призвал русский народ на защиту Отечества. При этом он особо обращал внимание на то, что «православная наша Церковь всегда разделяла судьбу народа. Вместе с ним она несла испытания и утешалась его успехами. Не оставит она народа своего и теперь. Благословляет она небесным благословением и предстоящий всенародный подвиг... Господь нам дарует победу».

Эту и последующие свои проповеди-призывы Местоблюститель размножает на ротаторе и рассылает по сохранившимся приходам для зачитания с амвона. Данный поступок был гражданским подвигом, так как по советским законам того времени такие деяния были наказуемыми. Церкви строжайше запрещалось

вмешиваться в политические и государственные вопросы. Всего митрополит Сергий за годы Великой Отечественной войны выпустил 23 послания.

В условиях растерянности, которая охватило Сталина (ему понадобилось десять дней, чтобы подготовиться к выступлению перед народом), его готовность опереться на любые антифашистские настроения способствовала тому, что этот документ послужил началом патриотической работы православной церкви в широких масштабах. Во всех еще не разрушенных и не оскверненных православных храмах шли богослужения, после которых читалась молитва, составленная еще в Отечественную войну 1812 г., в основной текст которой были внесены лишь небольшие изменения.

В сложившихся условиях партийное и советское руководство СССР пошло на изменение своей политики по отношению к Русской православной церкви. Уже 27 июня 1941 года Центральный совет Союза воинствующих безбожников СССР своим постановлением президиума дал местным организациям директиву о перестройке работы организации СВБ в условиях войны. Как указывалось в постановлении, «эта организация по политическим соображениям данного момента свернула на время свою специфическую антирелигиозную деятельность». В постановлении ей предлагалось «вести главным образом антифашистскую пропаганду... принимать самое активное участие в оказании конкретной формы помощи фронту».

В 1941-43 гг. было разрешено открыть ряд новых приходов, параллельно возобновилась служба в заброшенных, никак не используемых храмах. В ноябре 1942 г. в связи с 25-летием Октябрьской революции в газетах было опубликовано юбилейное приветствие И.В.Сталину от Местоблюстителя Патриаршего престола митрополита Сергия. Это было первое поздравление церкви и власти на государственном уровне. Митрополит Киевский Николай был назначен членом Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию немецко-фашистских злодеяний. Более того, Николай выступил организатором пропаганды за границей и вскоре стал представителем Патриархии в международных отношениях, и не только Патриархии, но и советского правительства [4].

Прекратил свое существование без официального закрытия Союз воинствующих безбожников (в 1947 г. его средства и функции были переданы Всесоюзному обществу по распространению политических и научных знаний («Знание»)). В целом в эти годы расширилась изда-

тельская деятельность, не чинились препятствия массовым богослужениям и общецерковным сборам в патриотические фонды, снимались ограничения на внекультовую деятельность.

Показателен в данном случае и такой факт, как неоднократное обращение за помощью к иконе Казанской Божией Матери – хранительницы земли русской. Так, в 1941 г. митрополит Гор Ливанских Илия имел видение Божией Матери, которая объявила ему, что Ленинград будет спасен, если Казанскую икону из Князь-Владимирского собора с крестным ходом обнесут вокруг города. Митрополит связался с представителями русской церкви, а они оказали содействие для выхода на советское правительство. Учитывая обстановку того времени, Сталин разрешает крестный ход. Казанскую икону вынесли из собора и пронесли по осажденному городу [5]. После окончания II мировой войны митрополит Илия посетил по приглашению патриарха Москву.

В дальнейшем к помощи иконы обращались при осаде Москвы, ее изображение облетело на самолете осажденную столицу, при обороне Сталинграда, штурме Кенигсберга.

Все вышеперечисленное свидетельствует о наличии тенденции к нормализации взаимоотношений между социалистическим государством и церковью, но никаких прямых контактов в это время еще не было. Руководству социалистического государства понадобилось еще много времени для того, чтобы пойти на взаимодействие с православной церковью. Значительную роль здесь сыграл внешнеполитический фактор. Стремительное развитие событий после встречи 4 сентября 1943 г. Сталина с руководством Русской православной церкви, как и сама беседа, имеют свои объяснения.

В истории 1943 г. знаменуются различными событиями, одно из них – это проведение знаменитой Тегеранской конференции. Она способствовала переходу из плоскости разговоров к практической выработке шагов по открытию Второго фронта. В то же время это было начало борьбы за сферы влияния как в Европе, так и во всем мире в послевоенные годы.

Как известно, нападение фашистской Германии на СССР привело к созданию союзнической коалиции стран с различным социальным устройством. Планы президента США Ф. Рузвельта вступить в войну с Германией на стороне Советского Союза широко обсуждались в Америке. Против позиции президента выступил американский Совет церковью Христа, который на своей конференции вынес резолюцию о том, что участие США в войне на сто-

роне СССР недопустимо уже лишь потому, что Советский Союз – это безбожное государство [6], особенно возражали католические круги [7]. Желая снизить накал антисоветских настроений, Рузвельт поручил послу США в Москве собрать и предоставить материал, который бы доказывал, что положение религиозных общин в СССР соответствует демократическим стандартам. Правительство США, разумеется, прекрасно было осведомлено об истинном положении дел в стране Советов, но, вступая в войну, необходимо было оправдаться в глазах христианской общественности собственной страны, обеспокоенной положением верующих в Советском Союзе. Более того, Франклин Рузвельт напрямую обратился к римскому папе Пию XII с просьбой «умерить антисоветский пыл американских церковников, подрывающих антифашистскую коалицию» [8].

Озабоченность религиозных кругов Америки вызвала со стороны советского правительства соответствующую реакцию. Подтверждением этого явилась публикация Московской патриархией в 1942 г. книги «Правда о религии в России», предназначенной главным образом для распространения за рубежом и отпечатанной одновременно на нескольких языках. Интересно отметить, что церкви была передана типография Союза воинствующих безбожников и по оплошности часть тиража имела гриф антирелигиозного издательства. В связи с тем, что книга предназначалась для пропаганды за границей, в самом Советском Союзе в продажу поступило лишь небольшое количество экземпляров. В предисловии к книге митрополит Сергей так охарактеризовал задачи стоящие перед изданием: «...Эта книга есть ответ прежде всего на «крестовый поход» фашистов, предпринятый ими якобы ради «освобождения» нашего народа и нашей православной церкви от большевиков. Но вместе с тем книга отвечает и на общий вопрос: признает ли наша церковь себя гонимой большевиками и просит ли кого об освобождении от таких гонений?»

Объясняя позицию советского правительства к РПЦ, митрополит пытается оправдать политику компартии тем, что «церковная буржуазия видит гонение, главным образом, в отказе государства от векового союза с церковью, в итоге чего церковь... и духовенство как сословие и профессия лишились некоторых прав: владения землей и коммерческими предприятиями, разных сословных привилегий, сравнительно с «простым народом» и т. п. В противовес данному подходу блюститель патриаршего престола митрополит Сергей пишет: «Меж-

ду тем простой православный народ, слыша в Евангелии наставления Христовы апостолам... склонен видеть в происшедших переменах не гонение, а скорее, возвращение к апостольским временам, когда Церковь и ее служители... смотрели на свое служение не как на профессию среди других житейских профессий, доставлявшую им средства к жизни, а как на следование призванию Христову». В рассуждениях митрополита явственно прослеживаются тенденции переориентировки с социально-политических проблем на нравственный аспект.

В издании особо подчеркивался традиционный патриотизм Русской православной церкви от Александра Невского до наших дней. В книге обращалось внимание на тесную связь между русским народом и его церковью. Жертвенная любовь к ближнему во имя Бога рассматривалась как источник народной силы, что как бы подсказывало необходимость обратиться к Всевышнему, так как только Его помощь может обеспечить победу, одной физической силы для этого недостаточно [9].

Предисловие митрополита Сергия и статьи, помещенные в книге, отражали лишь некоторые стороны положения православной церкви в России, что следует хотя бы из того, что отсутствуют какие-либо статистические данные. Нет ни слова о конфликтах с властями и о преследованиях, которым подвергалась церковь.

Причины необходимости во втором фронте для СССР заключались в том, что немецко-фашистская армия хотя и переживала кризис после разгрома в ходе Сталинградской битвы, но еще реально существовала угроза, что она может вернуть свою боевую мощь. И.В. Сталин в приказе в связи с 25-летием Красной армии 23 февраля 1943 г. подчеркивал: «Борьба против сильного врага потребует времени, жертв, напряжения наших сил и мобилизации всех наших возможностей» [10].

В этой связи советское правительство настаивало на выполнении союзниками своих обязательств о вторжении на европейский континент широкими силами весной 1943 г. В конце 1942 г. в своих посланиях премьер-министру Великобритании и президенту США И.В. Сталин несколько раз напоминал союзникам о об их обещаниях. В посланиях Сталина от 15 и 16 марта 1943 г. президенту США и премьер-министру Англии со всей определенностью проводилась мысль о том, чтобы удар с Запада больше не откладывался. В обращениях подчеркивалось: «в условиях, когда Гитлер проводит новые крупные мероприятия по восстановлению и увеличению своей армии к весенним и летним опера-

циям против СССР, особенно важно, чтобы этот удар был нанесен весной или в начале лета».

Советское правительство также рассматривало открытие Второго фронта в Европе в качестве важнейшего условия укрепления отношений с Англией и США.

Однако со стороны западных союзников шло намеренное оттягивание открытия Второго фронта в Европе. Чем значительнее были победы Советской армии, чем больше укреплялся международный авторитет СССР, тем больше лидеры западных демократических государств опасались «большевизации» послевоенной Европы. В этой ситуации они заняли позицию изматывания военной и экономической мощи социалистического государства. Это был курс уклонения от активных решительных столкновений с Германией. Так к началу 1943 г. у обоих правительств в общих чертах начало проявляться отрицательное отношение к вторжению на европейский континент в 1943 г. в случае, если Германия не потерпит серьезного поражения [11]. Подготовке к вторжению на европейский континент не отдавалось никакого предпочтения перед другими операциями союзников. Англичане не предусматривали открытие второго фронта даже в 1944 г. [12].

Немаловажной была для Советского Союза и материальная помощь, главным образом в форме американских поставок по ленд-лизу. Если прямые поставки вооружения не имели для СССР принципиального значения (они составляли 10-12% объема военного производства страны), то более 400 тысяч грузовиков помогли моторизовать Красную армию и одновременно позволили перевести немногочисленные автомобильные заводы СССР на выпуск военной продукции. Кроме этого, поставлялся высокооктановый бензин для авиации и дефицитный металл для советской промышленности.

«Холодная война», долгое время разделявшая страны, приводила в исторической науке к одностороннему объяснению событий II мировой войны. Объективную оценку помощи по ленд-лизу дает в своих мемуарах известный советский лидер Н. Хрущев. В воспоминаниях он записал: «...Мы получали от союзников оборудование, корабли, много военного снаряжения. Почти вся наша артиллерия была на американской тяге – «студебеккерах»... Представить, как без них мы бы наступали? Как двигались бы от Сталинграда до Берлина? Я не представляю себе. Наши потери были бы колоссальными, потому что не было бы никакой маневренности у наших войск. Кроме того, мы получали много

стали и дюралюминия... Кроме того, мы получили от союзников много технических устройств, о которых вообще не имели понятия. Для противовоздушных сил мы получили электронный прибор – радиолокатор... Одним словом, надо честно признать вклад наших союзников в разгром Гитлера. Нельзя хвастать: вот мы шашки вынули и победили, а они пришли к шапочному разбору. Такая точка зрения верна, если рассматривать лишь вклад союзников с точки зрения высадки десантников... Тут будет верно. Но техника и материалы, которыми они помогли нам, – другой вопрос. Если бы они не помогли, то мы бы не победили, не выиграли войны» [13].

Союзники посчитали возможным для достижения своих целей использовать данную помощь. Весной 1943 г. были полностью прекращены поставки военных материалов Советскому Союзу по Северному морскому пути. 30 марта 1943 г. Черчилль сообщил советскому правительству о согласованном с США решении прекратить до сентября отправку в СССР северных конвоев, сделав оговорку, что в сентябре поставки могут быть возобновлены, только если позволит благоприятная обстановка в Северной Атлантике. Глава советского правительства в своем послании Черчиллю от 2 апреля 1943 г. расценил «этот неожиданный акт как катастрофическое сокращение поставок военного сырья и вооружения Советскому Союзу со стороны Великобритании и США, так как путь через Великий океан ограничен тоннажем и мало надежен, а южный путь имеет небольшую пропускную способность... это обстоятельство не может не отразиться на положении советских войск» [14]. В послании от 26 мая 1943 г. Рузвельту И. Сталин писал: «Мы готовимся к встрече нового германского наступления и к контрастам, но у нас не хватает самолетов и авиабензина» [15].

Кроме срывов поставок по ленд-лизу наблюдается определенная тенденция, направленная на политическую изоляцию СССР. Глава советского правительства не был приглашен принять участие в Вашингтонской конференции, проходившей с 12 по 25 мая 1943 г. Министр иностранных дел Иден лишь периодически информировал о работе конференции советского посла в Великобритании.

В ответ на послание Сталина по поводу отсрочки с открытием Второго фронта, которое английский посол в Москве Керр трактовал как «чувство разочарования», Черчилль дал строгое указание «занять жесткую позицию» в отношении любого проявления недовольства, при этом

«сделать Сталину дружеский намек на опасность раздражения двух западных держав, ...которые могут сыграть полезную роль в будущем России» [16]. Более того, 2 июля английский премьер-министр при встрече с советским послом заявил, что он думает прекратить непосредственный обмен посланиями с главой советского правительства, так как это приводит лишь «к трениям и взаимному раздражению» [17].

Причины данной позиции – опасения влияния сильного социалистического государства на послевоенную жизнь Европы. Это наглядно проявляется в беседе, прошедшей между посетившим Москву издателем газеты «Нью-Йорк Таймс» Сульцбергером и наркомом иностранных дел СССР Молотовым 5 июля 1943 г. Последний был проинформирован о том, что общественное мнение США особенно интересует послевоенная проблема. В частности, издателя интересовала точка зрения советской стороны по вопросу о коллективной безопасности, в основе которой лежала проблема прав человека. Молотов, отвечая на данный вопрос, заметил, что у него с Сульцбергером разное отношение к войне. «У нас сосредоточено внимание на военных вопросах, в то время как американцев, находящихся пока далеко от войны, больше интересуют послевоенные проблемы».

Играя на необходимости для СССР открытия Второго фронта, англо-американцы вновь намеренно не пригласили советских представителей на новую конференцию, проходившую с 14 по 24 августа 1943 г. в Квебеке [18].

Наглядно видно, что западные союзники, чувствуя необходимость их военного присутствия в Европе для Советского Союза, продолжали проводить политику своих интересов. Они вовсе не использовали любые рычаги давления с целью ослабления тоталитарного режима в СССР, что в дальнейшем могло привести к падению советской власти.

СССР понимал, что затягивание образования антифашистского блока было связано не только с дипломатией, но и с тем, что необходимо было преодолеть существующие предубеждения. Мировоззрения людей, оказавшихся в это время в противоположных общественных структурах, строились на взаимоисключении коллективного устройства. В сложившихся условиях коммунистическое правительство Советского Союза для достижения доверия пошло на компромисс с западной демократией. Так, им была подписана Атлантическая хартия, в обсуждении которой СССР не участвовал. Текст этой хартии был составлен в типично англосаксонской традиции и утверждал принципы свободы тор-

говли и демократических свобод. Правда, подписывая документ, советская сторона оговорила, что «практическое применение указанных выше принципов неизбежно должно будет сообразоваться с обстоятельствами, нуждами и историческими особенностями той или другой страны» [19].

В целях укрепления отношений с антигитлеровской коалицией в 1943 г. Сталин и его ближайшее окружение предпринимают ряд мер по некоторой демократизации политического курса ВКП (б). В этих целях 15 мая, в дни работы Вашингтонской конференции, на которую, как указывалось выше, советские руководители не были приглашены, было принято решение Президиума ИККИ о роспуске Коминтерна. Роспуск Коммунистического интернационала – это дань Советского Союза делу укрепления антифашистской коалиции, так как тем самым удовлетворялось одно из давних требований новых союзников СССР. Данное положение дел было подтверждено самим Сталиным в интервью, данном английскому журналисту. В нем Сталин заметил, что решение о роспуске призвано способствовать единству всех патриотов-антифашистов в отдельных странах и единству «свободолюбивых народов»

в международном масштабе [20]. Насколько серьезна была эта проблема для США, может свидетельствовать тот факт, что к середине войны американская компартия достигла своего наивысшего влияния и насчитывала в своих рядах около 100 тысяч человек.

Одновременно с роспуском Коминтерна Сталин сменил своих послов в Вашингтоне и Лондоне. Вместо Литвинова и Майского, деятелей большевистского движения с дореволюционной поры, пришли два молодых чиновника – Громько и Гусев, послушные исполнители полученных директив [21].

Но предпринятые шаги не оказали должного влияния на западных руководителей, не оправдывали социалистическое государство перед западной демократией. Нужен был шаг, доказывающий мировой общественности существование свободы внутри СССР. Это стало особенно ясно, когда советских руководителей не пригласили на Квебекскую конференцию. Таким шагом стало решение о нормализации отношений с религиозными организациями. И хотя главным моментом в этом вопросе были внутривнутриполитические проблемы, фактор сильного нажима мировой общественности явно этому способствовал.

Список использованной литературы:

1. Известия, 1943, 5 сентября.
2. Одинцов М.И. О встрече И.В. Сталина с руководителями Русской православной церкви 4 сентября 1943 г. // Атеистические чтения, №19.
3. Митрополит Иоанн. Самодержавие духа. Очерки русского самосознания. Спб., 1994. С. 316.
4. Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М.: Республика, 1995. С. 185.
5. Орехов Д. Святые иконы России. Спб.: Невский проспект, 2000. С. 36.
6. История русской церкви. Книга девятая. М.: Изд-во Спасо-Преображенского монастыря, 1997. С.
7. Боффа Дж. История Советского Союза. М.: Международные отношения. 1990, Т. 2. С. 136.
8. Григулевич И.Р. Папство, век XX. М.: Политиздат, 1981. С. 247-248.
9. Правда о религии в России. М., 1942. С. 7-14, 42-56, 84 и др.
10. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. М. Т. 1. С. 82.
11. Земсков И.Н. Дипломатическая история второго фронта в Европе. М.: Политиздат, 1982. С. 150.
12. Земсков И.Н. Ук. соч. С. 178.
13. Хрущев Н.С. Мой 20 век. М.: Вагрус, 1997. С. 176-177.
14. Цит. по: Земсков И.Н. Ук. соч. С. 173-174.
15. Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. М., 1976. Т. 2. С. 65.
16. Цит. по: Земсков И.Н. Ук. соч. С. 187.
17. Там же. С. 190.
18. Там же. С. 194.
19. Внешняя политика СССР. Т. 1. С. 166. (текст документа там же. С. 167.)
20. Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1952. С. 107-108.
21. См.: Боффа Дж. Ук. соч. Т. 2. С. 154.